

МЕТАФОРА КАК «КРЕАТИВНАЯ» РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА
(ПОСТСОВЕТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ «РЕВОЛЮЦИЙ» В РОССИЙСКИХ,
БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ СМИ)

Анна Михайловски

Университет Юлиуса-Максимилиана (г. Вюрцбург)

В разделе представлены некоторые результаты лингвистического фреймового анализа, проведенного в рамках докторской диссертации. В результате анализа более тысячи статей постсоветских дискурсов о революциях описаны сформировавшиеся в восточнославянских странах концепции революции. Чтобы описать общепринятые образы мышления (нем. Denkmuster) в исследуемых культурах, учитывались следующие конкурирующие нарративы: в Беларуси – государственный (*СБ. Беларусь сегодня*), негосударственный/плюралистический (*tut.by*) и «национальноцентрический» (*Наша нива*); в России – государственный (*Аргументы и факты*), негосударственный/плюралистический (*Коммерсантъ*) и либеральный (*Новая газета*); в Украине – пророссийский/комбинированный (*Корреспондент*), «национальноцентрический» (*Зеркало недели*) и либеральный (*Українська правда*). Фреймовый анализ включал в себя события, начиная с Оранжевой революции 2005 года, которая, в частности, привела к появлению термина «цветная революция» в Беларуси и России, и завершая 100-ой годовщиной революции в России. В данном разделе я ограничиваюсь ролью метафор, которые в рамках фреймового анализа характеризуются рекуррентными значениями (нем. Werte) с определенной семантической структурой (нем. Bedeutungsaspekte) (методическая операционализация описана в [Konerding 1993] и [Ziem 2008]).

Прежде всего приведу вывод о роли метафор в концептуализации революций: СМИ, в которых представлены оформившиеся концепции революции (явно про- или антиреволюционные позиции), используют больше метафор, чем СМИ, в которых фреймовая структура революций не оформлена. В нарративах, лишенных явной оценки событий, используется мало метафор, по крайней мере «ярких». При этом не имеет значения, идет ли речь о свершившейся революции или о ее попытке либо предотвращении.

Целью раздела является описание типов метафор, которые используются в концепциях революций с однозначной коннотативной оценкой. Поэтому далее приводятся примеры метафор, которые используются в следующих революционных концепциях:

(а) Антиреволюционная риторика представлена концептом цветных революций, который присутствует в государственных СМИ Беларуси и России. В этом случае революция осмысливается как организованный и финансируемый Западом переворот, направленный на разрушение России/Беларуси и создание хаоса. Это фрейм, в основе которого лежит геополитическая точка зрения, можно найти в *СБ.Беларусь сегодня* и *Аргументах и фактах*. В украинском медиапространстве эта концепция мало представлена: со сложившейся фреймовой структурой этот нарратив распространяется только одной определенной политической (пророссийской) группой.

(б) Прореволюционная риторика представлена в «национально-центрическом» концепте украинского культурного пространства: революции воспринимаются как осуществляемая народом внутривнутриполитическая борьба против авторитарного и пророссийского развития страны. Эта концепция связана с аспектом развития общества и политической нации, а также с определенным видением будущего – демократического и проевропейского развития. Этот нарратив можно найти во многих украинских СМИ, которые находятся вне сферы олигархического влияния и позиционируются как независимые СМИ (об особенностях украинского медиапространства см. в [Ryabinska 2017] и [Duczok 2018]). К ним относится русскоязычная украинская газета *Зеркало недели*, которая пользуется репутацией «классической» газеты в украинском медиапространстве (ср. [Кулик 2010: 193]) и публикует развернутые аналитические статьи. «Национально-центрический» концепт подразумевает дистанцирование от России. Он, разумеется, отсутствует в России, но в маргинальной форме присутствует в Беларуси.

Рассмотрим основные типы метафор и особенности их аксиологического употребления в противопоставляемых дискурсах.

1. Метафора болезни. СБ.Беларусь сегодня

Эта метафора встречается очень часто и сразу в нескольких аспектах значений:

- *воспаленное воображение* [оппозиции] (Причины);
- *зуд перемен* (МОТИВЫ/ЦЕЛИ);

- *вирус революций* (СРЕДСТВА ПРОВЕДЕНИЯ);
- *у Беларуси крепкая иммунная система, противоядие, санитарный врач* (ПРЕПЯТСТВИЯ);
- *страдания, боль* (ПОСЛЕДСТВИЯ/ЗНАЧЕНИЕ);
- *вирус «цветной» революции, «цветной» недуг* (ВЫШЕСТОЯЩИЕ НАРРАТИВЫ).

Тот факт, что метафора болезни встречается во многих аспектах, а именно в шести из 13 возможных (ср. определение матрикс-фреймов и предикативных классов в [Konerding 1993]), подтверждает вывод, сделанный в ходе фреймового анализа, – именно таким способом возникает рекуррентность, которая определяет нарратив оформившейся концепции. Так же воплощаются метафоры, которые концептуализируют революции как болезнь (то есть как отклонение от нормы) одновременно на многих уровнях.

Здесь важно подчеркнуть, что метафора болезни используется только в дискурсах постсоветских протестов, направленных против режима. Это касается и нынешней ситуации в Беларуси (протесты с августа 2020 года):

«Любая цветная революция делает государство слабее, а народ – беднее. Нигде после этих мятежей люди лучше жить не стали. Главное лекарство от этой напасти тоже известно – это расширение и углубление наших связей, интеграции». (СБ)

Особое место в концептуализации революций занимает Октябрьская революция, которая трактуется как единственная настоящая революция и как начало белорусской государственности. Это напрямую связано с советизированной политикой в Беларуси с 1994 года (ср. [Rudkouski 2018] и [Bratoškin 2017]).

2. Метафора болезни. Аргументы и факты

В российском государственном нарративе встречается чрезвычайно рекуррентная метафора – концептуализация революции как эпидемического заболевания: *оранжевая чума, зараза, проказа*. Прилагательное *оранжевая* является отсылкой к Оранжевой революции, которая была началом постсоветского революционного дискурса в России и Беларуси. Но использованы могут быть и другие атрибуты, такие как *розовая* (с отсылкой к революции роз в Грузии) или *цветная* (как цветные революции). Ср. некоторые примеры: *вирус оранжевой чумы, подобны чуме, остановить эпидемию, как эпидемия чумы, Киргизия/Грузия как рассадник революции, остановить распространение «розово-оранжево-*

желтой» заразы, *выжигание «оранжевой чумы»*. Эти значения встречаются в следующих аспектах: ПРИЧИНЫ, ПРЕПЯТСТВИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ/ЗНАЧЕНИЯ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. См. пример, в котором приводятся лозунги протестующих на антиреволюционной демонстрации 2012 года:

«Нет – оранжевой чуме! [...] Мы (те, кто собрался на Поклонной горе) очень разные, общее у нас одно: мы протестуем против оранжевой чумы. [...] Мы должны голосовать за того, кто не замаран оранжевой чумой». (АИФ)

Эта метафора возникла в дискурсе цветных революций в 2005 году и проявилась в полной мере в государственных нарративах во время протестов на Болотной площади. Либеральные СМИ использовали эту метафору с явной дистанцированностью в аспекте значений ТОЛКОВАНИЯ (точнее, как *ТОЛКОВАНИЕ СОБЫТИЙ ВЛАСТЬЮ*).

3. Метафора болезни. Зеркало недели

Использование метафоры «болезнь» в *Зеркале недели* – пример того, как одна и та же метафора может иметь совершенно иную функцию при конкретизации одного и того же понятия:

- *вирус свободы* (СРЕДСТВА ПРОВЕДЕНИЯ);
- *слабость государства, Янукович – смертельная для страны болезнь* (ПРИЧИНЫ);
- *революция для Кремля – именно гангрена, ампутация зараженных частей – метод борьбы с гангреной* (ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, точнее, как *СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ*);
- *прививка* (ВОЗМОЖНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ);
- *уничтожила политических паразитов, произвела эффект мощного инсектицида, националистическое поле паразитирования выбито из-под ног* (РЕЗУЛЬТАТ). Очевидно, что в данном случае революции воспринимаются как «лечение» «болезненных» государственных процессов. Слово *вирус* и здесь несет в себе значение быстрого неконтролируемого распространения, в данном случае распространение свободы с позитивной коннотацией.

4. «Конструктивная» метафора. Зеркало недели

Перечислю метафоры, передающие значение возникновения и роста:

- *«росток»: гражданское общество вырастает из ростков, ростки гражданского общества, ростки гражданской активности Майдана со временем все же превратятся в могучие деревья сильного гражданского общества;*

– «взросление»: я вырасту полноправным гражданином, через десять лет эти дети будут определять многое в стране, наше общество созрело, граждански возмужавшие;

– «гражданское воспитание»: гражданское воспитание подрастающего поколения, этап в гражданском воспитании завтрашних взрослых, гражданское политическое просвещение, гражданское воспитание подрастающего поколения у нас берет на себя Майдан, дидактика выглядит экстремально;

– «возрождение»: возрождение, духовное возрождение, потребность украинцев в новом возрождении, возрождение старинной украинской вечевой традиции, возрождение казацких понятий, возрождение патриотизма без националистических лозунгов;

– «рождение»: рождаемся как политическая нация, рождение политической нации, рождение новой нации, рождение гражданского общества, рождаются сознательные украинцы, Майдан как место, где в совместных обсуждениях рождается понимание о стране-мечте, рождение новой культуры, рождается что-то принципиально новое, рождение майдана.

Метафора рождения является частью персонификации: *сердце, дыхание, душа* (ср. *сердце майдана* или *душа украинской революции*). Она включает в себя в том числе представление об обществе как о *проснувшемся человеке*. Использование характерных для эпохи Романтизма метафор *пробуждения* и *возрождения народа* (ср. [Тогнов 2005: 414]) подтверждает романтизированный или идеализированный характер представления о революции в украинском «национальноцентрическом» нарративе.

Вышеуказанные метафоры встречаются в следующих аспектах: ЦЕЛИ/МОТИВЫ, СПОСОБЫ ПРОВЕДЕНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ/ЗНАЧЕНИЕ, ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. Украинская революция рассматривается как шаг вперед, что соответствует результатам фреймового анализа. Представление революции как конструктивного развития может проявляться и в «классических» концептуальных метафорах, таких как *рост национального самосознания*. Типичным для украинского дискурса является и связь с понятиями общества и политической (гражданской) нации со следующими представлениями: украинцы действуют совместно как активные и сознательные граждане украинского государства ради политической цели – соблюдения правовой государственности и демократической формы правления, которая связана с проевропейским развитием страны.

5. Смена метафор «праздник» – «война». *Зеркало недели*

В дискурсе Оранжевой революции (2005) революция неоднократно концептуализировалась как «праздник»: *праздник, праздничное настроение, праздничный ритуал, фейерверки, игривый окрас, как пионерский лагерь, развлекательная программа, веселье* (чаще всего как ХОД СОБЫТИЯ). При этом следует подчеркнуть, что в рамках фреймовой теории *праздник* (ХОД СОБЫТИЯ) был определен как стандартизированное значение (нем. Standardwert) для украинского культурного пространства. Под стандартизированным (предопределенным) значением подразумевается значение, которое встречается во всех анализируемых СМИ с конкурирующими нарративами, т. е. оно является общим значением (ср. понятие «Cultural Common Ground» в [van Dijk 2001]).

В дискурсе Евромайдана 2013–2014 (точнее, во второй части дискурса, то есть после 30 ноября) метафора изменилась: революция больше не «праздник», а «война»: *полевые командиры, зачистка, периметр, блокпост, штурм*. Эта смена обусловлена ходом конфликта. Кроме того, эта метафора относится, в первую очередь, к понятию «майдан», который с 2013 года начал вытеснять понятие «революция». «Майдан» также имеет более сложную семантическую структуру, чем «революция», что обусловлено несколькими возможными вышестоящими матрикс-фреймами (например, майдан как событие, как палаточный городок, как протестующая толпа, как имя нарицательное, в то время как революция может быть связана только с одним матрикс-фреймом – событием). Метафора войны проходит через все возможные матрикс-фреймы «майдана».

При этом следует подчеркнуть, что в украинской концепции революции значение «война» представляет собой *борьбу с внешней опасностью*, исходящей в первую очередь из России. Даже когда речь идет о борьбе против авторитаризма, его понимают как форму правления, поддерживаемую Россией. Эта риторика также отражена в дискурсе «Украинской революции 1917–1921»:

«Ведь “Великой Октябрьской социалистической революции”, или “Октябрьскому перевороту”, исполняется сто. И очень скоро – сто лет “украинскому советскому проекту” и сто лет первой российско-украинской войне новейшего времени. Последнее событие можно вспоминать, находясь через сто лет в окопах следующей. И задуматься: что же тогда пошло не так, что спустя столетие мы на тех же позициях?» (ЗН)

События этого периода на украинских территориях, подразумевающие неудавшиеся попытки создания государства и войну с большевиками, воспринимаются как освободительная борьба и/или первая российско-украинская война. Для сравнения, в российских публикациях речь идет о войне внутри России: *гражданской войне* или *расколе/конфронтации общества* как следствии революции (часто реализуемой как РЕЗУЛЬТАТ или ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ). Это значение является стандартизированным (т. е. общим, предопределенным) в российском культурном пространстве.

В исследуемой выборке также были найдены нейтральнооценочные метафоры, особенно те, которые представляют революции как природное явление: *вспышка, цунами, ветер, ураган, гром, молния*. Целью такой метафоризации является передача неконтролируемой спонтанности, а не определенной оценки. Метафоры такого рода частотны, но практически нерелевантны для определения культурных концептов революции. Креативные, «яркие» метафоры предопределяют понимание оценочного суждения.

Кроме того, итоги исследования позволяют оценить степень продуктивности метафор в рамках лингвистического фреймового анализа: нарративная метафора используется во многих смысловых аспектах для более эффективного убеждения. Анализ метафор подтверждает результаты фреймового анализа: представление революции как конструктивного развития в «национальноцентрическом» украинском концепте (с явной положительной оценкой) и концептуализация революции как деструктивного процесса в государственных нарративах Беларуси и России (с явно отрицательной оценкой).

Обе концепции, описанные выше, следует отличать от концепций с неоднозначной оценкой. Сюда можно отнести плюралистические нарративы; СМИ с неоднозначной редакционной оценкой событий; нарративы в России и Беларуси, содержащие критику власти и поддерживающие антиправительственные протесты, но отвергающие совершение революции; «либеральные» нарративы в Беларуси и Украине с глобализацией термина «революция» (= революция как борьба за демократию) и без антироссийской риторики. Как уже упоминалось выше, в этих типах трактовки и осмысления событий используется меньше метафор, чем в явно про- или антиреволюционных рассуждениях.

В этой связи я хочу коснуться вопроса, на который еще предстоит ответить: в какой мере мы можем говорить о креативном

потенциале метафор, которые регулярно используются как средство концептуализации революций? Что является условием утраты метафорой своей «креативности»? Этот переход от живой к стертой метафоре, который мне кажется субъективным явлением, безусловно, должен учитывать культурные предпосылки: то, что в одной культуре воспринимается как стертая метафора (или не воспринимается как метафора вообще), возможно, воспринимается в другой культуре как чрезвычайно «креативная» лингвистическая реализация.

Литература

[АИФ] Бражникова Елена. Митинг на Поклонной горе. Зачем туда пришли россияне? // Аргументы и факты 6/2012. Публикация на сайте: 08.02.2012. <https://aif.ru/politics/world/30885> (Доступ: 12.01.2021)

Bratočkin Aleksej. Hybride Erinnerung in Belarus. Eine Literaturschau zur Oktoberrevolution // Osteuropa 67/2017. S. 305–322.

Dyczok Marta. Ukraine's Media in the Context of Global Cultural Convergence // Peter Rollberg und Marlène Laruelle (Hg.): Mass media in the post-Soviet world. Market forces, state actors, and political manipulation in the informational environment after communism. Stuttgart: ibidem, 2018. S. 79–109.

Konerding Klaus-Peter. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. Tübingen: Niemeyer, 1993.

Кулик Володимир. Дискурс українських медій. Ідентичність, ідеології, владні стосунки. Київ: Критика, 2010.

Rudkouski Piotr. 100 Jahre Belarussische Volksrepublik: Der Nationalgedanke in der Republik Belarus // Belarus-Analysen 37/2018. S. 2–7.

Ryabinska Natalya. Ukraine's post-communist mass media. Between capture and commercialization. Stuttgart: ibidem, 2017.

[СБ] Лукашенко Александр. «Сплотиться и выступить единым фронтом» – Лукашенко назвал главное лекарство от цветных революций // Публикация на сайте belta.by: 13.11.2020. <https://www.belta.by/president/view/splotitsja-i-vystupit-edinym-frontom-lukashenko-nazval-glavnoe-lekarstvo-ot-tsvetnyh-revoljutsij-415542-2020/> (Доступ: 12.01.2021)

Tornow Siegfried. Was ist Osteuropa? Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.

van Dijk Teun A. Discourse, Ideology and Context // Folia Linguistica 35/2001. S. 11–40.

Ziem Alexander. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Berlin/New York: de Gruyter, 2008.

[ЗН] Галушко Кирилл. Virtuозы популизма: большевистские рецепты 1917 года // Зеркало недели 41/2017. Публикация на сайте: 03.11.2017. https://zn.ua/HISTORY/virtuozy-populizma-bolshevickie-recepty-1917-goda-265024_.html (Доступ: 12.01.2021)